

УГОЛОВНЫЙ КОДЕКС РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
КАКИМ ОН НУЖЕН СТРАНЕ СЕГОДНЯ, А ТАКЖЕ В БЛИЖАЙШЕЙ
И БОЛЕЕ ОТДАЛЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Настал как нельзя лучший повод разобраться с состоянием нашего уголовного, а заодно и смежного с ним законодательства, имея в виду, что Уголовному кодексу Российской Федерации 1996 года исполняется в 2011 году 15 лет. Срок этот для уголовного законодательства – отнюдь не эпохальный, тем более, что само оно оперирует, как известно, и более продолжительными сроками, в том числе 20-ти-, 25-ти-, 30-летними.

Как ни странно, но, в отличие от законов, для государства 15 лет – это обычно довольно продолжительное время. Например, Уголовный кодекс Наполеона 1810 года действовал без малого двести лет – вплоть до 1 марта 1994 года¹, хотя почти каждое десятилетие этого большого периода времени отмечено во Франции какими-то глобальными событиями, в том числе войнами, переворотами, восстаниями, гражданскими смутами, восшествиями на престол новых монархов, приходом к власти новых глав государства, появлением «параллельных» лидеров, влиятельных оппозиций, мыслителей, просветителей, ученых и т.д.

Однако совсем другая ситуация складывается вокруг УК РФ 1996 года. Наполеону, наверное, даже в самом кошмарном сне не могло привидеться, чтобы в его Кодекс сразу же после принятия вносилась масса всевозможных поправок. А вот что касается уголовно-правового детища Б.Н.Ельцина, то в него уже при жизни этого реформатора вносились различные изменения. Интенсивное внесение корректировок в российское уголовное законодательство продолжается и до настоящего времени, что, конечно же, требует соответствующего аналитического внимания. Какой основной вектор этих изменений,

¹ См.: Уголовный кодекс Франции. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2002. С. 35.

чем они вызваны, насколько оправданы, куда ведут и куда, в конце концов, реально могут привести – все эти вопросы нуждаются в выяснении.

Необходимо к этому делу относиться с достаточно четким представлением о том, *каким именно* Уголовный кодекс нужен сегодня стране, то есть людям, обществу, государству – сегодня, а также в ближайшей и, может быть, в более отдаленной перспективе.

Конечно же, каждый понимает, что сегодня стране нужен такой Кодекс, чтобы, опираясь на него (в том числе на него), она, наконец-то, могла очиститься от скверны преступности и уверенно пошла дальше вперед по пути социализации, цивилизованности, обновления и прогресса.

Но что необходимо здесь сделать в первую очередь? Основываясь на собственных исследованиях, наметим лишь самый общий контур возможных преобразований, имея в виду то, что обстоятельный анализ вопросов совершенствования УК РФ еще впереди.

Первое. Надо полнее и четче определить в Кодексе его задачи. В настоящее время стало совершенно очевидным, что в число их должны быть дополнительно включены охрана и обеспечение интеллектуальной собственности, здоровья населения и общественной нравственности, культурных и исторических ценностей, безопасности государства и порядка несения военной службы, интересов потребителей, экономки в целом, различной конфиденциальной информации, в том числе находящейся в компьютерах, их системах и сети.

Второе. Перечень принципов уголовной ответственности целесообразно дополнить указанием на принципы неотвратимости ответственности и личной ответственности. Без них уголовное право как бы «пробуксовывает». Понятно, что в полной мере обеспечить неотвратимость ответственности невозможно, но что касается тяжких и особо тяжких преступлений, то здесь данный принцип, конечно же, должен работать. Наметившийся отход от принципа вины, выразившийся, в частности, в установлении возможности возложения обязанности уплаты штрафа, наложенного на несовершеннолетнего, на его родите-

лей, требует акцента в законе на *личной* ответственности за совершенное преступление.

Третье. Следует четче обозначить в УК РФ принципы его действия в пространстве, включив в их состав, в частности, принцип приоритета российских интересов. Престиж России в мире неуклонно растет, ее амбиции относительно обретения статуса мировой державы – с вхождением в пятерку передовых экономик мира – кажется, с пониманием воспринимается за рубежом, и это, как мы полагаем, должно найти соответствующее отражение в действующем российском уголовном законодательстве.

Четвертое. Необходимо детальнее классифицировать преступления по признаку их тяжести, выделив в отдельные группы, с одной стороны, преступления, влекущие наказания, не связанные с лишением свободы (*малоопасные* преступления), а с другой – преступления, которые по закону наказываются строже, чем лишение свободы на срок свыше 15 лет (*особенно* тяжкие преступления). Соответственно детальнее надлежит классифицировать имущественные преступления, преступления против здоровья и ряд других – например, с выделением преступлений, влекущих, с одной стороны, *небольшой* ущерб (характеризующихся *небольшим* размером), а с другой – влекущих *особенно* крупный ущерб (характеризующихся *особенно* крупным размером), причиняющих, с одной стороны, *минимальный* вред здоровью (вред, сопряженный с временной утратой трудоспособности продолжительностью до одной недели), а с другой – *максимальный* такой вред (*особенно* тяжкий вред). Ясно, что это способствовало бы *дифференциации* ответственности, а следовательно, и более четкому проведению в уголовно-правовой практике *принципа справедливости*.

Пятое. Нуждается в возвращении в уголовное законодательство административная преюдиция, на что обращал внимание даже Президент РФ Д.А.Медведев – в одном из своих последних Посланий Федеральному Собранию РФ. А заодно следует вернуть в УК РФ и неоднократность совершения преступления как самостоятельный вид множественности преступлений, в том

числе в качестве квалифицирующего признака соответствующих составов преступлений, а также рецидив преступлений – в том же виде и в том же качестве.

Шестое. В числе видов рецидива преступлений представляется целесообразным выделить *особенно* опасный рецидив, а также ввести более строгую дифференциацию наказуемости преступлений с учетом различных видов рецидива – например, по такой схеме: рецидив преступлений – только лишение свободы, *опасный* рецидив – не ниже половины предусмотренного законом предельно высокого срока лишения свободы, *особо опасный* рецидив – не ниже двух третей этого срока, *особенно опасный* рецидив – не ниже трех четвертей его.

Седьмое. Понятие преступной небрежности предлагается определить в таком виде: преступление признается совершенным по небрежности, если лицо, его совершившее, не предвидело *достаточно отчетливо* возможности наступления общественно опасных последствий своего действия (бездействия), хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности оно должно было и могло их предвидеть – в такой мере, которая позволяла бы ему не допустить их наступления. Понятно, что если человек *вообще* не предвидит возможности наступления в результате своего действия (бездействия) общественно опасных последствий, то возникают вполне обоснованные сомнения относительно того, есть ли у лица вина *вообще*, и за что же, собственно, лицо привлекается к ответственности, если оно ничего из того, что касается его поведения, не предвидело.

Восьмое. В число видов неоконченного преступления предлагается включить, наряду с приготовлением к преступлению (создание условий для совершения преступлений), покушением на преступление (действие или бездействие, непосредственно направленное на совершение преступления), также покушение на преступление *с частичным его (преступления) совершением* – с установлением правила, в соответствии с которым покушение на преступление с частичным его совершением влекло бы ответственность не только за собст-

венно покушение на преступление, но и по совокупности за частичное совершение преступления, если, конечно, фактически совершенное действие (бездействие) само по себе образует состав какого-либо оконченного преступления.

Девятое. Понятие соучастия в преступлении предлагается предусмотреть в следующем виде: соучастием в преступлении признается умышленное совместное участие в совершении преступления двух или более лиц (соисполнительство), а также совершение преступления одним лицом, но при участии организатора, подстрекателя или (и) пособника (совиновничество). Сегодня понятия соисполнительства и совиновничества используются в юридической литературе в качестве тождественных (синонимов), что не представляется правильным. Богатый русский язык дает нам эти два понятия не для того, чтобы их отождествлять, а для того, чтобы вкладывать в них соответствующий разный смысл. Поэтому целесообразно «развести» данные понятия, вложив в каждый из них свой смысл. Соисполнительство – это соучастие, в котором главные, так сказать, «фигуранты» – исполнители (соисполнители), а при совиновничестве соисполнительства как такового нет, но есть *общая вина* тех, кто, действуя хотя и не совместно с исполнителем, но, так сказать, заодно с ним, то есть направляя (организуя) его преступные действия, подстрекая его к ним или тем или иным образом способствуя им. При этом понятие пособничества целесообразно определить с использованием *открытого* перечня пособнических действий, то есть с указанием и на *иные* действия (бездействие), способствующие совершению преступления, так как в нынешнем определении данного понятия многие реально общественно опасные виды содействию преступления не находят отражения (например, предоставление помещения для обсуждения соучастниками планов совершения преступления, финансирование преступной деятельности, организация жизнедеятельности лиц, планирующих совершение преступлений, и т.п.).

Десятое. В число обстоятельств, исключающих преступность деяния, предлагается дополнительно включить исполнение закона, законного решения,

профессиональной обязанности, общественного долга, своего права, специального задания (специальной обязанности, особого долга) по пресечению преступления, наличие экстремальной (чрезвычайной) ситуации, согласие лица, на совершение действий, затрагивающих исключительно его интересы. Практика давно уже *de facto* признает все эти обстоятельства в качестве исключающих преступность деяния, а поэтому остается только соответствующим образом закрепить в законе такой реальный их правовой статус.

Одиннадцатое. Понятие наказания предлагается сформулировать в УК РФ так: наказание есть влекущая судимость особая мера государственного принуждения, назначаемая совершившему преступление лицу судом по его приговору на основе уголовного закона и в установленных данным законом целях. Нынешнее законодательное определение понятия наказания носит слишком общий характер и слабо работает на правопорядок.

Двенадцатое. Штраф предлагается установить в размерах, сопоставимых с *текущими доходами* виновного, то есть не выше месячного его заработка, пенсии, пособия, стипендии, денежного довольствия или иного дохода. Иначе реально данная мера нередко превращается для виновного в конфискацию. Да и практически взыскать штраф, например, в размере *стократной* суммы взятки часто не представляется возможным. Волей-неволей, суду приходится опускать «планку» практической наказуемости (наказываемости) соответствующих преступлений до пределов возможного.

Тринадцатое. Предлагается вернуться к прежним пределам такой меры наказания, как лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. 10-летний, а тем более 20-летний срок данной меры наказания выходит за всякие разумные пределы, вступает в противоречие с требованием соразмерности наказания преступлению и фактически (и юридически тоже) вводит в систему наказаний такую несвойственную отечественному уголовному законодательству меру, как запрет на профессии. Дело не в том, что «жалко», например, педофилов, а в том, что, выходя за ка-

ноны уголовного права, мы можем, незаметно для самих себя, слишком далеко зайти.

Четырнадцатое. Предлагается вернуть в систему наказаний конфискацию имущества, причем с предусмотрением ее в качестве как дополнительной, так и основной меры. Распространить действие данной меры целесообразно лишь на коррупционные преступления и на то имущество, в отношении которого имеются убедительные доказательства того, что оно – прямой результат преступной деятельности. Верхний предел конфискации желательно ограничить десятикратной стоимостью денег или иного имущества, находившихся в соответствующем коррупционном обороте. Иначе неизбежно нарушится требование соразмерности наказания преступлению.

Пятнадцатое. Предлагается ввести в систему наказаний исправительные (принудительные) работы, которые исполнялись бы *вне пределов места проживания виновного*. Представляя собой достаточно весомую альтернативу лишению свободы, данная мера могла бы, как минимум, на треть заменить его, а следовательно, существенно снизить численность нашего так называемого тюремного населения, а заодно и значительно пополнить трудовые ресурсы страны. Понятно, что процесс исправления осужденных получил бы при этом определенные дополнительные импульсы активизации, поскольку в таком случае расширились бы перспективы перевода осужденных к лишению свободы из исправительных колоний в «спецкомендатуры» (советское наименование соответствующих учреждений, которые ранее исполняли рассматриваемую меру).

Шестнадцатое. Предлагается исключить из системы наказаний смертную казнь – с устранением упоминания о ней в санкциях соответствующих статей Особенной части Кодекса. При этом были бы окончательно «отрезаны» пути к ее возможному возвращению в уголовно-правовую практику. Для «умиротворения» сторонников возвращения данной меры «в строй» можно было предусмотреть в уголовном законодательстве возможность назначения ее *в порядке исключения*, но без реального ее применения, то есть с заменой ее по-

жизненным лишением свободы. Для так называемых серийных убийц, террористов и других особо опасных преступников, особенно совершающих свои преступления в военное время или (и) в боевой обстановке, было бы целесообразным *сохранить* возможность применения данной меры, но только в соответствии со специально издаваемым для этой цели законом. В любом случае смертная казнь должна быть исключена из нашей системы наказаний. В качестве *исключительной* ее можно было бы предусмотреть в отдельной статье.

Семнадцатое. Институт досудебного соглашения о сотрудничестве предлагается переименовать в институт досудебного соглашения об условиях смягчения виновному наказания, имея в виду то, что лицо, совершившее преступление, не может ни при каких обстоятельствах рассматриваться в качестве какого бы то ни было «сотрудника» правоохранительной системы – даже в каком-либо условном смысле, как и соответственно полицейский, дознаватель, следователь или прокурор не может ни при каких обстоятельствах рассматриваться в качестве «сотрудника» в каких бы то ни было делах и заботах преступника.

Восемнадцатое. Институт условного осуждения предлагается переименовать в институт *осуждения с условным неприменением назначенного наказания*. Ведь осуждение, каким бы оно ни было, в данном случае, как, прочем, и всегда, является *не условным, а безусловным*. Другое дело, что *условным* является неприменение к осужденному назначенного ему наказания. Вопрос здесь «упирается» исключительно в русский язык, в логику его терминов, да и в здравый смысл вообще.

Девятнадцатое. Предлагается минимизировать сроки погашения и снятия судимости, предусмотрев, вместе с тем, правило, в соответствии с которым эти сроки суд мог бы назначать *наряду с назначением наказания* – в пределах сроков, определяемых в долях по отношению к срокам фактически отбытого наказания. Например, применительно к преступлениям небольшой тяжести срок судимости мог бы составлять одну четвертую часть срока фактически отбытого наказания, применительно к преступлениям средней тяжести – одну

треть, применительно к тяжким преступлениям – две трети, применительно к преступлениям особо тяжким – три четверти. А если наказание не связано с лишением свободы, то – в пределах одного года. Именно *в пределах* одного года, а не продолжительностью один год. Отсечение «аппендикса» в виде сверхдостаточных (избыточных) сроков судимости, рано или поздно (мы в этом совершенно убеждены), все же должно состояться. И в данном направлении уже сегодня должны быть сделаны какие-то шаги. Полная же отмена института судимости была бы пока, на наш взгляд, преждевременной. В условиях безбрежных просторов России контролировать, мягко говоря, беспокойный контингент лиц, освобождающихся из мест лишения свободы, без опоры на данный институт было бы весьма трудно (если вообще возможно).

Двадцатое. Применительно к несовершеннолетним сроки судимости целесообразно вообще ограничить временем фактического исполнения наказания. Это тем более важно сделать, что судимость в отношении лиц, совершивших преступление в несовершеннолетнем возрасте, *не учитывается* при признании преступления совершенным при рецидиве. Да и о других последствиях, которые в связи с судимостью ограничивали бы права и интересы несовершеннолетних, говорить не приходится.

Двадцать первое. В отношении принудительного лечения в психиатрическом стационаре предлагается установить жесткие сроки – с учетом тяжести совершенного деяния (соответственно до одного года, до двух, трех или четырех лет, но с фактическим сроком лечения, не выходящим за рамки времени выздоровления больного). Понятно, что суд, назначая совершившему запрещенное уголовным законом деяние лицу с психическим расстройством принудительное лечение в соответствующем стационаре, исходит из того, что данное лицо будет лечиться в таком стационаре до тех, пока не вылечится. Но ведь диагностика больных в психиатрическом стационаре проводится в соответствии с действующим законодательством только раз в полгода. Назначенный же судом срок принудительного лечения мог бы выявить факт выздоровления *раньше*, то есть более своевременно. Если же лицо по истечении срока

принудительного лечения продолжает страдать тем или иным психическим расстройством, требующим лечения в стационаре, то продление данного срока надо обосновывать суду *без ссылки* на факт нарушения соответствующего уголовно-правового запрета.

Двадцать второе. Главу 15.1 («Конфискация имущества») предлагается признать утратившей силу – с перемещением содержащихся в ней норм в соответствующий раздел УПК РФ. Данное предложение обосновывается тем, что названные нормы по своей юридической природе больше тяготеют все же к нормам уголовно-процессуального права. В уголовном же законе они выглядят как «инородные».

Какие еще открываются перспективы дальнейшего совершенствования нашего уголовного законодательства?

Во-первых, должны быть устранены всякие неопределенности при описании составов преступлений, в том числе касающиеся бланкетных диспозиций. Каждая бланкетная диспозиция должна быть максимально раскрыта – по крайней мере, до уровня перечисления *типичных* нарушений соответствующих правил. Например, если речь идет о нарушении правил безопасности дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, то уголовный закон должен назвать в диспозиции соответствующей статьи, как минимум, такие нарушения данных правил, как превышение скорости движения, проезд на запрещающий сигнал светофора, выезд на полосу встречного движения, нахождение за рулем транспортного средства в состоянии опьянения, эксплуатация неисправного транспортного средства и т.д.

Во-вторых, порядок расположения наказаний в санкциях необходимо «развернуть» на 180 градусов, то есть расположить их по схеме – «от более строгих – к менее строгим». Опробочено демонстрировать лицам, неустойчивым в морально-нравственном отношении и в силу этого способным «пойти на криминал», *минимальную* силу реагирования на их возможные преступления, обладая, вместе с тем, и *другой силой*, в том числе *более эффективной* – в

смысле силы сдерживающего воздействия на потенциальных правонарушителей.

В-третьих, надо освободить Особенную часть Кодекса от составов тех экономических и некоторых других деяний, которые *не влекут* тяжких последствий – с перемещением их в Кодекс РФ об административных правонарушениях. Такая линия соответствовала бы провозглашенному Президентом РФ Д.А.Медведевым курсу на подъем экономики и снижение уровня криминализации населения.

В-четвертых, целесообразно дополнить УК РФ, наряду с некоторыми из тех составов преступлений, которые содержатся в уголовном законодательстве государств ближнего зарубежья (но которых нет в нашем УК), рядом других составов – например, таких, как разглашение служебной, врачебной, адвокатской или иной профессиональной тайны, несообщение при вступлении в брак сведений об обстоятельствах, препятствующих браку, несообщение при вступлении в интимную близость об обстоятельствах, препятствующих такой близости (это могут быть, например, инфекционные, психические и некоторые другие заболевания), а равно вступление в интимную близость путем злоупотребления доверием или иного обмана, введение лица в состояние гипноза или иного психического состояния, лишаящего его возможности адекватно оценить ситуацию и принимать соответствующие ей решения, безбилетный проезд на железнодорожном транспорте², бросание камней или других предметов в транспортное средство во время его движения, ослепление водителя транспортного средства лазерным лучом или выведение водителя из нормального состояния иным способом, похищение, вымогательство или иное неправомерное завладение компьютерной техникой или компьютерной информацией, неправомерное завладение объектами недвижимости, хищение особо ценного имущества, выведение болезнетворных микроорганизмов, растений или

² Внесение данного предложения связано с тем, что, несмотря на принимаемые активные меры по наведению порядка в этом вопросе, в том числе на достаточно часто применяемые административные штрафы, безбилетный проезд на железнодорожном транспорте приобрел в настоящее время по существу массовый характер, в результате чего причиняется огромный совокупный ущерб, создающий значительные трудности для пассажирских перевозок (см., например: Новоселова Е. 18 % россиян не платят в электричках // Российская газета. 2011. 5 сентября. С. 9).

животных, создание или изготовление новых видов наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, создание или изготовление новых видов оружия – с особыми поражающими свойствами, реклама табачной, алкогольной или иной продукции, представляющей повышенную опасность, проведение над человеком медицинских или иных опытов, способных вызвать опасные последствия, проведение опытов по клонированию человека, употребление спортсменами или иными лицами веществ (допингов), стимулирующих их профессиональную или иную деятельность, создание роботов для использования их в военных целях (в том числе так называемых «роботов-солдат»), сокрытие информации, имеющей важное общественное значение, назначение на должность по родственным или иным личным мотивам, организация занятия незаконными азартными играми, загрязнение космического пространства, использование космического пространства в военных целях, проведение в космическом пространстве опасных для него и планеты экспериментов.

Тончайший слой ценностей нашей жизни, как и, например, озоновый слой атмосферы (толщина – 3-5 мм), не должен подвергаться уничтожению, повреждению или любому иному опасному посягательству. И в мерах его защиты лучше, как говорится, перебрать, чем недобрать. Либерализация – либерализацией, гуманизация – гуманизацией, демократизация – демократизацией, а посягательства на какие-то отдельные ценности создает риск того, что, в конце концов, мы вообще можем остаться без них. Если уходят ценности, то уходит и сама жизнь (по крайней мере, затрачиваемая на их создание), а этого допускать нельзя. Поэтому обозначать зло *надо*, в том числе на уровне уголовного закона, с использованием именно его средств и методов. Другой вопрос – это вопрос о том, *какой именно ценой* необходимо этого добиваться. Уголовно-правовая активность государства ни при каких обстоятельствах не должна превышать тот предельный уровень достаточности, который лучше всего определяется научным путем.

Наконец, *в-пятых*, предлагается дополнить Особенную часть УК РФ составами преступлений, которые содержатся в большинстве УК государств, образованных на постсоветском пространстве, и, в то же время, исключить из нее статьи, которых нет в УК большинства этих государств. Это следует сделать с учетом реальной необходимости сформировать на всем постсоветском пространстве принципиально единую систему криминализации деяний. Здесь имеется в виду то, что в условиях прозрачных или полупрозрачных границ все это пространство с распадом бывшего СССР не перестало быть единым – по крайней мере, для преступности и преступников.

В Особенной своей части (прежде всего, в ней) оно, как мы полагаем, должно стать отчасти региональным (в части регламентации преступности и наказуемости общеуголовных деяний – краж, хулиганских действий и т.п.). Что же касается норм Общей части уголовного законодательства и тех норм Особенной его части, которые устанавливают преступность и наказуемость посягательств на мир и безопасность человечества, на государственную власть и порядок несения военной службы, то они должны приниматься на федеральном уровне. Будет ли это уголовное законодательство законодательством субъектов Федерации, их групп (по регионам) или федеральных округов, над этим надо еще работать. Может быть, есть смысл начать данную работу по федеральным округам, а затем продолжить ее по группам субъектов Федерации, то есть по группам таких субъектов, которые уже как-то объединены – например, историческими, географическими, экономическими, культурными и (или) иными узами.

Сведения об авторе: Панченко Павел Николаевич,
зав. кафедрой уголовного права и уголовного процесса
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» – г. Нижний Новгород,
доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, академик РАЕН, член РАЮН,
член Российской криминологической ассоциации,
руководитель Секции по уголовно-правовым вопросам
Научно-консультативного совета при Нижегородском областном суде.

Рабочий адрес: 603155, г. Нижний Новгород, 155, ул. Большая Печерская, 25/12, Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» – г. Нижний Новгород, Факультет права, Кафедра уголовного права и уголовного процесса, кабинет 110.

Рабочий телефон: 8-(831)-4-16-95-35.

Электронный адрес: panvest@mail.ru

Адрес для корреспонденции: 603132, г. Нижний Новгород, 132, а/я 293. Панченко Павлу Николаевичу.

Домашний адрес по регистрации: 603132, г. Нижний Новгород, 132, ул. Даргомыжского, дом 19, корп. 5, кв. 67.

Домашний телефон: 8-(831)-2-58-81-29. Моб. тел.: 8-910-108-0-171.